

Исторические источники и документальные коллекции

УДК 94(47):083 «1914/1918»

Матханова Наталья Петровна,
д-р ист. наук, проф.,
Институт истории Сибирского отделения
Российской академии наук (г. Новосибирск),
istochnik_history@mail.ru

Бюро печати Татьянинского комитета и собрание воспоминаний беженцев

Аннотация: Рассматривается деятельность Бюро печати Татьянинского комитета (Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий). Используются циркуляры Комитета, отчеты его Особого отдела и стенограмма заседаний Второго съезда представителей местных отделений, а также письма П.Г. Васенко к С.Ф. Платонову. Председатель Бюро печати историк П.Г. Васенко и заведующий Бюро журналист Л.Н. Витвицкий руководили двумя основными направлениями деятельности. Ими были: 1) собрание и создание источников по истории беженского движения и 2) выявление и собрание печатных материалов о беженцах и информирование общества о деятельности Татьянинского комитета. Формально Бюро печати было создано в ноябре 1916 г., однако в отчете Васенко и в его письме Платонову содержатся сведения о фактическом начале работы Бюро уже в 1915 г. В Бюро печати и Историографическую комиссию Комитета, наряду с высокопоставленными чиновниками, входили многие известные историки. Официальной задачей этих органов было создание истории беженского движения, собрание и частично публикация источников. В «Известиях» Комитета в 1916–1917 гг. начали публиковаться рассказы беженцев. Историки, и прежде всего Васенко, разработали программу записи их воспоминаний. Эта программа с руководством по ее использованию была разослана по местным отделениям Комитета. В выступлениях на съезде в апреле 1917 г. С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко подчеркнули значение записи воспоминаний массы «малокультурных людей» как важного источника для будущих исследователей истории Первой мировой войны. Эта позиция не была случайной для историков-медиевистов, специалистов по истории Смутного времени. Подобный подход позволяет увидеть в них предшественников развившейся гораздо позже «устной истории». Изучение деятельности Бюро печати и Историографической комиссии Татьянинского комитета имеет важное значение для понимания возможностей профессиональной самореализации историков в военных условиях.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженцы, Татьянинский комитет, Бюро печати, собрание воспоминаний, С.Ф. Платонов, П.Г. Васенко, устная история.

История беженцев периода Первой мировой войны стала одной из активно разрабатываемых тем постсоветской отечественной историографии, а в зарубежной ей и раньше уделялось довольно много внимания. Появилось немало статей, диссертаций, книг, посвященных этому вопросу. Не осталась вне поля зрения историков и деятельность Татьянинского комитета (Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий) [1; 2; 3; 4; 5; 6; и др.]. Но практически ничего до сих пор не писалось о Бюро печати Особого отдела. В статье П. Гатрелла упоминается «замечательный проект» Татьянинского комитета, предусматривавший получение материалов от самих беженцев» путем записи их рассказов. При этом он ссылаясь на «анонимного автора», призывавшего к собиранию «возможно полной информации о беженстве» [3, с. 54, 70] Этим «анонимным автором» оказался Платон Григорьевич Васенко – замечательный историк и источниковед, ученик С.Ф. Платонова.

Особый отдел Татьянинского комитета был создан для учета и регистрации беженцев в связи с тем, что «летом 1915 г. движение беженцев приняло стихийный характер великого переселения народов» [7, с. 17]. Но уже в 1916 г. при Комитете была учреждена «Историографическая комиссия по разработке и изданию материалов по истории беженского движения», а при Особом отделе – «Подготовительная комиссия по собиранию материалов о беженском движении», одной из задач которых было, в частности, создание «обобщающего труда по истории беженского движения» [1, с. 98] и «составления по окончании войны исторического очерка о деятельности Комитета» [5, с. 49]. Вообще военное ведомство с самого начала войны озаботилось сбором и сохранением документов, «имевших военно-историческое значение» [8; 9; 10; 11, с. 84]. В этой работе огромную роль сыграли военные историки и военачальники. Но беженское движение в круг деятельности Военно-исторической комиссии, насколько можно судить по публикациям, не входил, хотя фонд Татьянинского комитета оказался в РГВИА¹.

Председателем Историографической комиссии Татьянинского Комитета значился его фактический руководитель сенатор А.Б. Нейдгарт, что должно было подчеркнуть серьезность ее роли, в ее состав входили известные историки И.А. Блинов, П.Г. Васенко, П.Н. Жукович, В.С. Иконников, наконец, сам С.Ф. Платонов, – князь истории, как его порой тогда именовали. Входили в ее состав и чиновники из числа сотрудников Татьянинского комитета, в том числе помощник управляющего делами Совета министров

¹ РГВИА. Ф. 16115. В настоящее время в связи с ремонтом и перевозкой дел архива фонд недоступен для исследователей.

В.В. Никитин (товарищ председателя). Рабочим органом Подготовительной комиссии стало Бюро печати во главе с П.Г. Васенко (председатель Бюро) и журналистом и редактором Л.Н. Витвицким (заведующий Бюро). Привлечение Васенко к этой работе можно объяснить его близостью к Платонову, а также и тем, что, будучи преподавателем Коломенской женской гимназии, он был хорошо знаком с попечительницей гимназии Варварой Александровной Нейдгарт и самим сенатором Нейдгартом.

О деятельности Бюро печати можно судить по документам Комитета и его Особого отдела, публиковавшимся в «Известиях» и трудах Татьянинского Комитета. В частности, важными источниками являются циркуляры Комитета, отчеты его Особого отдела и стенограмма заседания Второго съезда представителей местных отделений, состоявшегося в апреле 1917 г.

Уже 24 октября 1914 г. Комитет рассмотрел и одобрил предположение «о желательности ныне же приступить к собиранию материалов, могущих в будущем оказаться полезными при составлении исторического обзора... призрения» беженцев [12, с. 71]. В особом циркуляре Комитета от 21 сентября 1916 г. (№ 19062), направленном во все его отделения, подчеркивалось историческое значение «великой войны» и важность задачи сохранить «в возможной полноте все то, что необходимо для исторического воссоздания величественной картины» этой эпохи. Явление беженства признавалось одним из характерных явлений войны, нуждающимся в запечатлении. Особый отдел Комитета считал важным «содействие составлению достаточно полного собрания сообщений очевидцев о беженском движении, временном устройстве жизни, испытаниях и дальнейшей участи беженцев, пока еще свежи в памяти все сведения и факты, обрисовывающие это явление». Уже эти формулировки заставляют предполагать, что текст был написан не без участия историков. Еще в большей степени об этом может свидетельствовать следующее разъяснение. Материал, который предлагалось собирать, мог «состоять из фотографий, рисунков, сообщений, воспоминаний, рассказов и очерков в беллетристической форме и различных цифровых данных о беженцах... Особый отдел просит не стесняться ни формой, ни слогом изложения. Отделу нужны лишь факты, а описание их на основании хотя бы и отрывочных данных составит его задачу». В дальнейшем предполагалось использовать собранное для «составления “Сборника материалов по истории беженского движения во время настоящей мировой войны”» [13, с. 93–94]. Очевидно, текст готовился в только что созданном Бюро печати Особого отдела, которое официально «вступило в жизнь лишь 15 ноября 1916 года». Как отмечал Васенко в отчете Всероссийскому съезду представителей местных отделений Комитета, фактическая его работа началась гораздо раньше: «...еще в мае 1915 года на Съезде местных представителей Комитета вопрос о собирании материалов по беженству был поставлен на очередь и разрешен в положительном смысле» [14, с. 63–64]. О своей работе в Комитете Васенко упоминал в письме к С.Ф. Платонову от 20 ноября 1915 г. [15, с. 16].

В работе Бюро печати прослеживаются два основных направления. Первое – просмотр, систематизация и фиксация материалов, прежде всего, газетных вырезок, о деятельности «Комитета и других организаций помощи беженцам» и вообще «касавшихся... всех сторон беженского дела» [16, с. 66]. К этому же направлению примыкает «ознакомление общества с деятельностью Татианинского комитета путем рассылки в главнейшие столичные и провинциальные газеты фактических сообщений о важнейших его начинаниях и предприятиях». Этой деятельностью руководил Витвицкий [16, с. 72–73]. Второе направление, которым руководил Васенко, можно назвать собиранием и созданием исторических источников.

В докладе Васенко на съезде источники были разделены на две категории: «1) материалы литературные... к которым относятся очерки, рассказы, воспоминания и вообще всякие сообщения о беженском движении его участников и очевидцев, и 2) материалы документальные или архивные». Об архивных было сказано, что они уже имеются, «они требуют только хранения, стягивания... в центры... систематизации, и описи, если не описания». О литературных – что они «большой частью существуют пока лишь в потенциальном состоянии... не записаны, хранятся лишь в памяти, а потому легко могут быть утрачены для потомства и истории» [14, с. 64].

Среди литературных материалов выделено два вида: «зафиксированные, т. е. уже имеющиеся в печатном или рукописном виде» и «такие, которые только могут быть собраны от самих участников или свидетелей беженства». Собрание печатных материалов было в основном поручено группе Витвицкого. Для получения рукописных обратились «с воззванием ко всем интеллигентным лицам», имеющим подобные рукописи, сообщить об этом «для снятия с них копий» [16, с. 66].

Наибольшее внимание Васенко привлекла идея фиксации «непосредственных рассказов самих беженцев... в их полной непосредственности – так, как они выливаются из души этих простых людей, много видевших, много испытавших и много переживших». При этом предвидели, что «собираателям рассказов придется самим направлять мысль рассказчиков». Поэтому был выработан «перечень руководящих вопросов», которые должны были «обнимать все стадии беженского движения». Поскольку предполагался сбор воспоминаний как самих беженцев, так и деятелей организаций и учреждений, оказывавших им помощь, было выработано два «опросника: первый для рассказчика беженца, второй для рассказчика очевидца движения» [14, с. 65]. Оба «опросника», с руководством по использованию, были разосланы во все отделения Комитета, а также общественные организации, занимавшиеся помощью беженцам [16, с. 66–67]. Главная мысль «руководства» заключалась в том, что «необходимо предоставлять опрашиваемым беженцам полную свободу высказываться..., не следует смотреть на “опросник” как на программу, в точности подлежащую выполнению». Рассказы должны были записываться на русском, а если беженец плохо его знал – то на его родном языке [14, с. 66]. Для записи

рассказов беженцев были привлечены добровольные работники из учащейся молодежи [17, № 17, с.10].

Второй съезд представителей местных отделений проходил в тяжелых для его руководства условиях. По воспоминаниям одного из активных организаторов Татьянинского комитета В.П. Семенова-Тян-Шанского, уже в конце 1916 г. сенатор Нейдгарт заявлял о «грозных тучах на политическом горизонте» [18, с. 24]. Хотя Временное правительство сохранило Комитет и его отделения, сняв лишь имя великой княжны из названия – он был переименован во Всероссийский комитет помощи пострадавшим от войны – на деле положение ухудшалось. Васенко 7 июля 1917 г. сообщал Платонову о сокращении штатов Комитета и увольнении части сотрудников¹.

Тем не менее, 17 апреля 1917 г. на съезде был поставлен доклад Васенко о собирании и записывании рассказов беженцев. Доклад привлек внимание нескольких депутатов съезда и вызвал два важных выступления С.Ф. Платонова и П.Г. Васенко, которые являются важными историографическими источниками. Говоря о сравнительном значении документальных и литературных материалов, Васенко объяснял делегатам: «В науке существуют разногласия относительно роли как первого, так и второго рода материалов. Одни ученые отдают решительное предпочтение документальным данным, игнорируя “литературу”. Другие на первом месте ставят литературные источники, находя, что только в них “живет дух эпохи”. По личному нашему убеждению и тот, и другой род материалов имеет важное значение; ни тем, ни другим пренебрегать не следует» [14, с. 64]. Представитель Западно-Русского общества историк и археограф А.И. Миловидов предложил дополнить круг собираемого появившимися произведениями народного творчества, что было одобрено [14, с. 69–70]. Представитель Костромского отделения С.А. Маргаритский добавил: «Мне лично знакома такая работа, о которой говорил профессор Васенко. Я учился за границей в университете, и мне приходилось писать историю русского студенчества в Германии и вот при этой работе я обращался к студентам и просил их делать особые выписки на многие вопросы». Выяснилось, что собрано много лишнего и нет необходимого. И «тогда мне пришла другая, более счастливая мысль, именно: я выработал особые опросные листы и раздавал их студентам, и туда они вносили свои данные» [14, с. 70]. Васенко возразил против этого предложения и пояснил, «что мой уважаемый оппонент предложил анкету; анкетой, конечно, можно пользоваться, но даже составляя и наш опросник, мы шли на него скрепя сердце, потому что желательно было получить рассказы беженцев, ничем не стесняемые». Анкета тоже может быть очень полезна, но это «будет источник другого порядка» [14, с. 71]. Видно, что вопрос обсуждался в Историографической комиссии.

Вслед за Васенко выступил и сам Платонов. Формально его слова адресованы делегатам съезда, но звучат они так, как будто должны их

¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2443. Л. 17.

слушать историки. Впрочем, быть может, на это он и рассчитывал. «В том, что здесь было сказано, я вижу одну, с научной точки зрения, методологическую опасность, – сказал он. – Здесь говорилось о том, что желательно было бы предлагать для получения известного материала о беженцах анкету; анкета – это совершенно правильный прием, когда вы ищете статистический материал или когда вы вообще предполагаете изучить явления в качестве историка; когда он предлагает собирать материал о беженцах, он должен совершенно одинаково доложить, какого рода сведения попадут в их руки. Мы не можем заранее знать, что будет ценно для будущего исследователя данного явления. Всякое тщательное показание современников, в какой бы форме оно ни было сделано, может оказаться источником первостепенной важности в руках будущего поколения, которое может предложить нашему поколению такого рода запросы, о которых мы и не думаем. Вот почему я настойчиво рекомендовал бы тем, кто поинтересуется собрать сведения о беженстве, собирать все решительно, что попадет в их руки, не стесняясь решительно ничем, принимая всякую мелкую замечку, всякую субъективность, которая в них есть, без оговорок, без критики и складывая это для будущего исследователя... Нам может показаться, что ... мы слышим одно и то же, повторяемое тысячи раз, для нас неинтересное. Вот от этой точки зрения на материал, даваемый показаниями беженцев, нужно предостеречь. Всякий голос беженца непременно должен быть зарегистрирован и с благодарностью сохранен, всякий рассказ его должен быть записан и только тогда будущий историк скажет нам спасибо, как умелому собирателю этого материала» [14, с. 71]. Слова С.Ф. Платонова звучат удивительно современно.

Очевидно речь шла о тех направлениях, которые гораздо позже стали бурно развиваться под названиями «устная история» и «живая история».

Особое значение Историографическая комиссия и Бюро печати придавали собиранию свидетельств «огромной массы малокультурных людей, которая главным образом и пострадала от нашествия врагов» [17, № 17, с. 10]. Подобная мысль была естественна для историков-медиевистов, привыкших иметь дело с летописями и записями рассказов непосредственных очевидцев [19, с. 262] такого грозного события, как Смута – как известно, и Платонов, и Васенко занимались изучением этого периода русской истории.

П. Гатрелл писал, что «материал для истории беженства» собирался подкомитетом, состоявшим «из видных сановников» [3, с. 54]. Однако из вышеизложенного видно, что не просто активную, но решающую роль в этой деятельности играли профессиональные историки. В дискуссии, состоявшейся на втором съезде представителей местных отделений Комитета, Васенко, отвечая на замечание о том, что в «опроснике» не учитывается культурная деятельность беженцев, заявил: «У меня есть вопрос: что нового внесли беженцы в жизнь местности» [14, с. 70]. Слова «у меня» являются прямым указанием на автора «опросника» («Перечня руководящих вопросов»), в ряде

других случаев он указывал на обсуждение аналогичных проблем в Историографической комиссии и Бюро печати.

Хотя Особый отдел, Историографическая комиссия и Бюро печати в мае 1917 г. утратили самостоятельность [17, № 21, с. 21], объявления от их имени продолжали публиковаться в Известиях до последнего их номера, вышедшего 15 октября 1917 г. Почти в каждом номере этого издания появлялись и рассказы беженцев, но, к сожалению для историков, – как правило, в очень беллетризованном виде.

В заключение замечу, что изучение профессионального участия интеллигенции в укреплении тыла и обеспечении вооруженных сил России во время Первой мировой войны началось сравнительно недавно. Роль историков пока представлена лишь их пропагандистской деятельностью [20; 21], но как видим, круг их деятельности был гораздо шире и гораздо профессиональнее. Изучение деятельности Бюро печати и Историографической комиссии Татъянинского комитета имеет важное значение для понимания возможностей профессиональной самореализации историков в военных условиях.

Литература

1. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С.98-113.
2. Матвеева Н.Л. Деятельность Комитета великой княжны Татьяны Николаевны в годы Первой мировой войны // История российской монархии: мнения и оценки. СПб., 2000. С.139–141.
3. Гатрелл П. Беженцы в России в годы первой мировой войны // Исторические записки. 2001. № 4(122). С.46–72.
4. Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. Автореф. дис... к.и.н. М., 2005.
5. Матвеева Н.Л. Благотворительная деятельность именных комитетов императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2004.
6. Грицаева А.Н. Благотворительность в России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий. Автореф. дис. ...к.и.н. М., 2008.
7. Комитет е.и.в. Вел. княжны Татианы Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. 14 сентября 1914 – январь 1916 г. Т. 1. Пг., 1916.
8. Гаркуша И.О. Российский государственный военно-исторический архив – крупнейшее хранилище документальных источников по истории Первой мировой войны: из истории формирования // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С. 53–57.

9. Крылов В.В. Документальные публикации по истории Первой мировой войны: археографические и историографические аспекты // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С.145–148.
10. Тархова Н.С. Как создавалась история Первой мировой войны (о деятельности Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914 – 1918 гг.) // Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. Материалы Междунар. науч. конференции. Москва, 7–8 сент. 2004 г. М., 2006. С. 27–38.
11. «...Озаботиться организацией сбора и вывоза... документов». Документы РГВИА о сохранении памяти о Первой мировой войне / вступит. статья, подготовка текста к публикации и комментарии Д.А. Юсова // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 84–102.
12. Памятная книжка Комитета е.и.в. великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Пг., 1915.
13. Сборник циркуляров Комитета ее императорского высочества великой княжны Татианы Николаевны с сентября 1914 по 1 января 1917 годы. Вып. 1. Пг., 1917.
14. Стенографический отчет заседаний съезда 16, 17 и 19 апреля 1917 года // Труды Второго Всероссийского съезда представителей местных отделений Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны (Татианинского) 6–19 апреля 1917 года. Пг., 1917.
15. Васенко П.Г. Воспоминания о моей жизни и прошлом быте / изд подг. Н.П. Матхановой. Новосибирск, 2014.
16. Отчет о деятельности Особого отдела Татианинского комитета в 1916 г. Пг., 1917.
17. Известия Комитета е.и.в. Татианы Николаевны. 1917.
18. Семенов-Тян-Шанский В.П. Татьянинский комитет. Великая княжна Татьяна и ее помощь беженцам // Возрождение. Париж, 1956. Т. 5. С. 7–25.
19. Тош Дж. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
20. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «Второй отечественной войны» (Очерки гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 108–127.
21. Тихонов В.В. Пропаганда прошлым: российские историки в годы Первой мировой войны // История: электр. научно-образовательный журнал. 2012. Вып. 3 (11).